

© 1995 г. АКСЕНОВА Е. П.

К ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ (Письма А. Л. Погодина А. В. Флоровскому)

В последние годы активизировалось изучение российской эмиграции, в том числе научной ее части. Жизнь и деятельность русских ученых за рубежом, и прежде всего в славянских странах, не раз становились предметом исследований, немалая часть которых публикуется на страницах журнала «Славяноведение» [1]. Изучение российской эмиграции, к сожалению, затруднено отсутствием в наших архивохранилищах и библиотеках достаточного количества необходимых источников и литературы. Поэтому каждое новое документальное свидетельство, обогащающее наши знания о русских ученых, живших за границей, представляет определенный интерес для исследователей.

Жизнь наших соотечественников в разных странах изучена с различной степенью полноты. Положение русских ученых в Югославии, например, освещалось не так подробно, как условия жизни и научно-преподавательской деятельности их коллег, поселившихся в Праге. Известному исследователю русской научно-исторической эмиграции В. Т. Пашуто, собравшему значительный материал о пражском центре русской научной мысли, значительно меньше документов удалось получить о белградских научных организациях [2. С. 6]. Деятельность Русского научного института в Белграде отражена в небольшой статье В. А. Тесемникова [3]. Но судьбы отдельных русских ученых, эмигрировавших в Югославию, в России исследуются пока слабо. Следовательно, всякий документ, приоткрывающий новые страницы истории русской научной эмиграции в югославянских землях, может иметь значение для более полного освещения условий жизни и характера деятельности российских ученых, вынужденно оказавшихся за пределами родины.

В этом плане определенный интерес представляет переписка известного русского историка, профессора Новороссийского университета, с 1923 г. обосновавшегося в Праге, А. В. Флоровского (1884—1968) с русскими учеными, эмигрантами первой волны, в разные годы жившими в Югославии: Д. Н. Анастасиевичем, П. М. Бицилли, Н. М. Бубновым, А. П. Доброклонским, С. М. Кульбакиным, В. А. Мошиным, Г. А. Острогорским, Д. А. Расовским, А. В. Соловьевым, Е. В. Спекторским, П. Б. Струве, Ф. В. Тарановским и некоторыми другими (различные бытовые, организационные и научные вопросы, затронутые в письмах, нашли отражение в нескольких статьях, как уже опубликованных [4], так и

Аксенова Елена Петровна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

подготовленных к печати [5]). Любой из корреспондентов Флоровского по-своему интересен; их письма важны не только для истории науки, но и для научной биографии каждого ученого; они заслуживают отдельной публикации.

Обратимся к хранящимся в архиве Флоровского письмам Александра Львовича Погодина (1872—1947), известного филолога-слависта и историка, преподававшего в Петербургском, Варшавском, Харьковском университетах, в 1920 г. [2. С. 155] (по другим данным — в 1919 г. [6. С. 58]) покинувшего Россию и поселившегося в Югославии. В Белградском университете, где он работал с 1920 г. до второй мировой войны, Погодин преподавал русский язык, русскую литературу, не оставляя в то же время своих научных занятий. Статьи Погодина печатались в югославских журналах, а также в изданиях русской научной эмиграции. Профессиональные интересы ученого были довольно широки. В дореволюционный период немалое место в его творчестве занимали лингвистические труды. Среди них: «Следы корней-основ в славянских языках» (Варшава, 1903), «Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи)» (Харьков, 1913), а также работы, касавшиеся балтийских и финно-угорских языков. В области славянского литературоведения можно отметить такие работы Погодина, как «История польской литературы» (Харьков, 1911), «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (Т. 1—2. М., 1912), «Лекции по истории польской литературы средних веков и Ренессанса» (Харьков, 1912), «Лекции по истории сербской и болгарской литературы» (Харьков, 1914). Большое внимание ученый уделял истории славян; его перу принадлежат обзорные работы: «Очерк истории Польши» (М., 1908), «История Сербии» (СПб., 1909), «История Болгарии» (СПб., 1910), «Славянский мир» (М., 1915). Наиболее пристально Погодин изучал польскую историю, внося свой вклад в разработку вопросов политического развития, национально-освободительной борьбы, истории общественной мысли Польши, ее отношений с Россией и т. д. [7; 8; 9; 10 и др.]. Наряду с обращением к современным ему проблемам славянства [11], Погодин проявлял интерес и к изучению славянских древностей [12]. Среди его научных сочинений нашли свое место и исследования в области славянской взаимности [13]. Погодину принадлежали также труды по древнерусской истории и археологии. Взгляды Погодина отличались либерализмом.

Те же основные направления научного творчества А. Л. Погодина сохранялись и в эмигрантский период его жизни (с тем отличием, что польская тематика уступила место южнославянской; в центре же внимания оставались русская история и русская литература).

В фонде А. В. Флоровского в Архиве Российской Академии наук хранятся всего три письма А. Л. Погодина [14] из Белграда, которые относятся к 1929, 1938 и 1939 г. (первое из них — рукописный автограф, два других — машинописные тексты, подписанные отправителем). Ответных писем Флоровского в фонде нет. Судя по содержанию писем, переписка двух коллег не ограничивалась несколькими посланиями, а велась в течение многих лет (возможно, не всегда регулярно), прервавшись, видимо, в период второй мировой войны. К какому времени относится начало переписки, установить трудно. В 1926 г. историк В. А. Мошин, живший в то время недалеко от Загреба, писал Флоровскому о том, что весьма благодарен Погодину за его консультации относительно новых трудов по истории, вышедших в России и за границей, и за лестный отзыв о первой части работы Мошина о варяжском вопросе. Вместе с тем Мошин отмечал, что Погодин «чересчур занят сейчас публицистической работой, которая не позволяет ему отдаваться науке» [15]. Возможно, в это время Флоровский еще не вел переписку с Погодиным, а, может быть, обмен посланиями не был регулярным.

Первое из сохранившихся писем А. Л. Погодина написано им почти спустя десять лет после его переселения в Белград. К этому времени уже были преодолены трудности первых лет жизни на чужбине, наладился быт и вошла в определенное русло преподавательская и научная деятельность. Исходя из характера текста

письма, можно заключить, что, безусловно, не с него начался эпистолярный диалог двух ученых, который являлся не только профессиональным обменом мнениями, но носил вполне доверительный характер. 25 сентября 1929 г. Погодин писал Флоровскому, что волнуется о жене и сыне, уехавших в Прагу и не подающих о себе вестей; просил его узнать, все ли благополучно, и телеграфировать. Вместе с тем, он сообщал, что вскоре сам будет в Праге, где 4 октября выступает с докладом [14. Л. 1—1 об.] (поскольку ни место выступления, ни тема доклада в письме не указаны, следует предположить, что они Флоровскому были известны).

Второе из имеющихся писем А. Л. Погодина датировано 24 июля 1938 г. Оно написано явно после некоторого перерыва в обмене корреспонденциями, поскольку упоминаются труды Флоровского, вышедшие несколькими годами ранее: основной из них — «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.)» (Т. 1) — был опубликован в Праге в 1935 г. «Я знаю о Ваших работах о русско-чешских отношениях, — писал Погодин, — но к сожалению, не видел их, а между тем мне очень интересно, каковы могли быть эти отношения. Разве было что-нибудь до XIX века?» [14. Л. 2—2 об.].

В этом же письме А. Л. Погодин сетовал, что ему до сих пор ничего не удалось напечатать в издании Славянского института в Праге (вероятно, имеется в виду «Byzantinoslavica»), хотя он много лет является членом этой организации. В то же время он сообщал, что в «Византинославике» должна выйти его статья «Повесть о хождении апостола Андрея в Руси» [16] и просил справиться насчет гонорара. Правда, в постскриптуме он спохватывался, не обременяет ли своей просьбой в такое время, намекая, видимо, на политическую ситуацию в Чехословакии [14. Л. 2—3]. На обороте письма рукой Флоровского помечено, что ответ отправлен 16 сентября того же года. В нем сообщалось, что деньги за статью будут высланы; от себя же Флоровский обещал послать коллеге свою книгу о русско-чешских отношениях, хотя и предупреждал, что, может быть, это получится не скоро [14. Л. 3 об.].

Интересуясь делами русских коллег в Праге, Погодин спрашивал Флоровского о Е. А. Ляцком (1868—1942), которого, по его собственным словам, очень любит и ценит «как умного человека» [14. Л. 2 об.].

Особенно интересна та часть письма, в которой Погодин делился с Флоровским своими научными открытиями. «Слыхали ли Вы, что я нашел несколько сербских народных песен, которые восходят к очень старым русско-сербским отношениям?» — спрашивал Погодин своего корреспондента, зная, что того не могла не интересовать тема межславянских контактов. И далее сообщал, что об одной из песен, посвященной Куликовской битве, написал статью («Српска народна песма о Куликовом воју 1380» [17]). В связи с ее публикацией автор писал: «Если бы я был сербом, то об этом разгласили бы уж на целый свет, а теперь будут замалчивать, пока возможно. Но, может быть, и мы так же бы поступили с сербами в России на основании естественного национального самолюбия» [14. Л. 2 об.].

Посвящая Флоровского в свои научные планы, Погодин писал, что намеревается «в ближайшем будущем» кончить сбор материалов для «Русско-сербской библиографии». Две части этого капитального труда («Руско-Српска библиографија, 1800—1925») уже были опубликованы в Белграде в 1932 и 1936 г. «Библиография» охватывала все публикации о России и русской культуре в сербской печати за весь XIX — первую четверть XX в., а также все переводы с русского на сербский язык [6. С. 59]. По завершении следующего этапа работы над этим трудом он намеревался вместе со своим сербским помощником Д. Богусавлевичем привести все материалы в порядок и передать для публикации в Академию наук. Ученый полагал, что объем труда будет не менее 300 печатных листов. Знакомя коллегу с замыслом своей работы, Погодин писал: «Все стороны русской жизни, во всем ее величии, предстанут уж в самом оглавлении. Я полагаю, что это будет

истинный памятник русской славы, потому что в таком виде рисуются все стороны необыкновенно разносторонней и благотельной деятельности России. Совершив эту работу, я могу спокойно умереть в убеждении, что русская великая душа не будет забыта в Сербии» [14. Л. 2. об.— 3].

В начале 1939 г. Погодин сообщил Флоровскому об окончании работы над «Русско-сербской библиографией», которая вылилась в огромный труд, охватывающий «кроме уже напечатанных двух томов ... материал приблизительно на 400 печатных листов». Автор рассчитывал, что после доработки и составления подробного оглавления труд можно будет публиковать. «Если не будет в качестве приятного сюрприза войны, то, может быть, помаленьку все и будет напечатано,— мечтал Погодин,— и тогда за сто двадцать пять лет явится картина того, что совершалось в России и в славянстве, связанном с Россией. В некотором отношении это будет энциклопедия» [14. Л. 4 об.]. Однако этим ожиданиям не суждено было осуществиться: «приятный сюрприз» внес свои коррективы в планы Погодина. Несмотря на это, ученый продолжал работу. Подготовка третьего тома капитального труда по русско-сербской библиографии была им завершена перед смертью. Рукопись охватывала период с 1925 по 1941 г. [6. С. 59].

В этом же письме от 3 февраля 1939 г. затрагивается вопрос о намерении Флоровского, возглавлявшего в то время Русское историческое общество в Праге, выпускать специальный исторический журнал, о чем Флоровский поставил в известность не только пражскую часть русской научной эмиграции, но и некоторых коллег в других странах. Погодин узнал об этом от жившего в Белграде А. В. Соловьева (1890—1971) и отнесся к идее Флоровского очень положительно. Весть о предполагаемом издании «журнала, посвященного истории», он воспринял как «приятную новость»: «Бог в помощь,— писал Погодин.— Мы так изголодались по возможности печатать что-нибудь. „Славия“ выходит, кажется, раз в два года, „Византинославика“ в этом роде. Наш Археологический сборник [«Сборник Русского археологического общества в Белграде».— Е. А.] выйдет не ранее, чем года через полтора» [14. Л. 4]. Благожелательная реакция Погодина на перспективу издания «Русского исторического журнала» объясняется тем, что русские эмигранты всегда испытывали затруднения с публикацией своей научной продукции, особенно на русском языке.

Как правило, в переписке ученых много места отводится взаимной информации о вновь вышедших работах, а также о научных открытиях и планах. В полной мере это относится и к письмам Погодина. Посылка книг и оттисков статей также имела большое значение для русских ученых-эмигрантов, поскольку издания, выходящие в разных странах, не всегда были доступны для них. В письме 1939 г. Погодин, по всей вероятности, получивший от Флоровского обещанную книгу, писал, что намеревается «проштудировать» летом его «труд о чешско-русских отношениях» [14. Л. 4 об.]. В то же время, Погодин объяснял, почему не отправил еще пражскому коллеге свою работу: «Я не послал Вам до сих пор оттиск моей статьи в Сборнике Белича о слове „Ротсин“ [18], потому что намерен послать этот оттиск вместе с другим, о норманском периоде в жизни Владимира Св[ятого]. Он должен появиться во Владимирском сборнике [19] и, я надеюсь, Вы найдете в нем кое-что новое» [14. Л. 4].

Читая письмо Погодина, невольно чувствуешь увлеченность ученого своими научными разысканиями; тщательность изучения предмета вызывает уважение. Коснувшись в письме публикации о слове «Ротсин», Погодин продолжил рассказ о своих дальнейших исследованиях в этой области: «А потом случайно я попал на изданный в 1919 г. текст *Упландслага*,— единственный в мире памятник, в котором упоминается форма *Ротсин* вместо более поздней *Ротин*. Я достал этот текст, не тронутый наукой с 1839 г., т. е. ровно сто лет. Нашел и французский перевод его, и пособия для того, чтобы самостоятельно проштудировать этот памятник, и я надеюсь, что в мае буду иметь удовольствие послать Вам отдельный оттиск [20]. Мне кажется, что после извлечения из *Упландслага* всего того, что

относится к *Ротслиам* и *Ротинам*, нечего уже больше будет говорить об этом» [14. Л. 4].

С завидным оптимизмом Погодин писал о намеченной на ближайшую перспективу работе: «У меня много научных планов. В последние годы вышел ряд трудов и исследований о финско-балтийско-германско-славянских лексикальных отношениях, и следовало бы, наконец, отдать отчет в том, что именно все это дает нам для изучения славянских древностей. Моя попытка ссуммировать (так в тексте.— Е. А.) это и напечатать по-сербски в издании академии, не удалась и встретила презрительное к себе отношение¹. Я хотел бы по-русски напечатать несколько таких критико-синтетических работ, которые пролили бы свет на начальный период русской истории» [14. Л. 4—4 об.]. (Небольшие статьи на эту тему были опубликованы на сербском и русском языках [См.: 2. С. 156—157].)

Вспомним, что в 1926 г. В. А. Мошин писал А. В. Флоровскому о чрезвычайной занятости А. Л. Погодина публицистической деятельностью, не оставляющей ему времени на научную работу. С годами ситуация менялась «в пользу» науки, и к концу 1930-х годов у Погодина проявляется очень сильное стремление отдать всего себя научной деятельности. Это отразилось и в последнем из сохранившихся писем ученого своему пражскому корреспонденту: «Хотелось бы,— писал он,— последние годы жизни поработать, «от суетных волн». Бегу от всяких так наз[ываемых] „политических“ выступлений, от улицы, на которую меня окончательно не тянет» [14. Л. 4 об.].

И даже в тяжелейших условиях войны и фашистской оккупации Югославии уволенный из университета А. Л. Погодин, преодолевая трудности, личные невзгоды и болезни, не оставлял все же научную работу, стараясь завершить русско-сербскую библиографию.

К сожалению, хранящиеся в фонде А. В. Флоровского несколько писем А. Л. Погодина дают лишь отрывочные сведения о его жизни и научной деятельности в белградский период. Но даже эти немногие данные свидетельствуют о большом научном диапазоне Погодина, являвшегося славистом в самом широком понимании этого термина. Документы показывают, что даже в эмиграции ученый не прекращал активной научной работы, живо интересовался достижениями коллег, активно участвовал в русских эмигрантских и иностранных изданиях. Письма А. Л. Погодина приоткрывают методы работы ученого, некоторые черты его характера, говорят о неизменной любви его к родине. Они вносят новые дополнительные штрихи к его научной биографии, а также пополняют наши общие представления о русской научной эмиграции первой волны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение. 1992. № 4; 1993. № 4; 1994. № 4.
2. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
3. Тесемников В. А. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928—1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 172—182.
4. Аксенова Е. П. Институт им. Н. П. Колдакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 63—74; Аксенова Е. П. Из переписки В. А. Мошина и А. В. Флоровского // Русь и южные славяне. Спб., 1994.
5. Аксенова Е. П. А. В. Флоровский во главе Русского исторического общества в Праге (1938—1940) (В печати); Аксенова Е. П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского) (В печати).
6. Соловьев А. В. А. Л. Погодин (К десятилетию со дня кончины) // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1958. С. 57—59.
7. Погодин А. Л. К вопросу об автономии Царства Польского // Русская мысль. 1906. Кн. 3.
8. Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли, 1863—1907. Спб., 1907.
9. Погодин А. Л. Польша перед восстанием 1830 г. // Русская беседа. 1912. № 8—9.
10. Погодин А. Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915.
11. Погодин А. Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. Кн. 1.
12. Погодин А. Л. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910.

¹ Речь идет о том, что Погодин не смог осуществить издание дополненного и переработанного варианта рукописи «Славянских древностей», подготовленной еще в 1916 г. [6. С. 59].

13. *Погодин А. Л.* Очерки из истории славянской взаимности//Московский еженедельник. 1910. № 11, 15, 20.
14. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 364.
15. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 322. Л. 1—2 об.
16. *Byzantinoslavica*. 1937. Т. VII. S. 128—148.
17. Прилози за књижевност, историју и фолклор. Београд, 1938. Књ. XVIII. С. 500—508.
18. *Погодин А. Л.* «Внешняя Россия» Константина Багрянородного//Зборник лингвистичких и филолошких расправа А. Белићу. Београд, 1937. С. 77—85.
19. *Погодин А. Л.* Варяжский период в жизни князя Владимира//Владимирский сборник. Белград, 1938. С. 19—30.
20. *Погодин А. Л.* Ротсины и ротины в старошведском праве//Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 17. С. 1—14.